

0- 794537

Московский государственный областной университет

На правах рукописи

Павлова

Павлова Ирина Борисовна

Проблема русской национальной судьбы в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина: художественный, общественно-исторический, духовный аспекты

Специальность 10.01.01. – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва
2012

Работа выполнена на кафедре русской классической литературы
Московского государственного областного университета

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
В.Н. Аношкина

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Ю.И. Минералов
доктор филологических наук, профессор
В.В. Прозоров
доктор филологических наук
К.А. Степанян

Ведущая организация: Институт научной информации по общественным
наукам (ИНИОН) РАН

Защита состоится «19» апреля 2012 г. в 15.00 часов на заседании
диссертационного совета при МГОУ по адресу: 105005, г. Москва, ул.
Энгельса, д. 21а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке МГОУ по адресу: г.
Москва, ул. Радио, д. 10а.

Автореферат разослан «31» ^{сентябре} 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Т.А. Алпатова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000793121

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

России посвящено все творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина. Удел родины, пути отечественной истории, роль народных масс всегда были для отечественных литераторов животрепещущими проблемами, которые с особой силой притягивали к себе. Взгляд на отечество писателя-просветителя заслуживает особого внимания, ибо это взгляд мыслителя сурового и бескомпромиссного, глубочайшего аналитика, художника, наделенного замечательной интуицией социолога и историка, владеющего исключительно богатым арсеналом поэтических средств. Его деятельность связана с периодом смены общественно-экономической формации, идейных, духовных ориентиров, когда попытки понять жребий России приобрели особенно напряженный характер и проявилась захватывающая сложность проблемы, которая менее ощущалась в эпохи относительной стабильности. Трактовка Салтыковым-Щедриным русской действительности основывалась на глубокой эрудиции в области истории, философии, на прекрасном знании жизни, которое дала ему служебная деятельность, в нем ни на минуту не прекращалась работа мысли, миссию писателя он считал самой почетной. Но главное заключалось в том, что Салтыкова-Щедрина воодушевляла, его деятельность освящала беззаветная любовь к России, страстное желание ее блага.

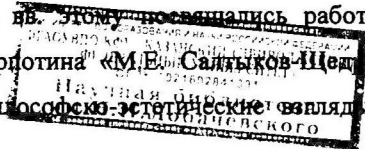
Актуальность темы исследования определяется ее историко-литературной значимостью и ориентированностью на решение ряда научных проблем:

- 1) оценки значения образа русского мира в творчестве Салтыкова-Щедрина для развития отечественной общественной мысли, литературного, культурно-исторического процесса;
- 2) фундаментального исследования религиозно-этических, социально-исторических и эстетических основ творчества Салтыкова-Щедрина в связи с важнейшим для художника-мыслителя образом – России.

Актуальность темы связана с глубоким интересом к важнейшей для национального сознания проблеме судьбы России и ее народа, истории, культуры, который не угасал никогда и чрезвычайно оживился в последние

десятилетия. Творчество Салтыкова-Щедрина, его социально-философские взгляды, поэтика подробно изучены отечественными литературоведами. Однако специальной работы, посвященной проблеме национальной судьбы, исследуемой в плане художественном, общественно-историческом и духовном, не существует.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема русской национальной судьбы представлена в творчестве писателя многосторонне. При ее осмыслении он опирался на традиции фольклора, древнерусской литературы. В этой связи необходимо отметить работы Ю.М. Соколова «Из фольклорных материалов Щедрина» (1934); Е.И. Покусаева «Щедрин и устное народное творчество» (1946); С.Ф. Баранова «Реальные, этнографические, фольклорные источники "Истории одного города" М.Е. Салтыкова-Щедрина» (1948), его же «Фольклорные мотивы в "Сказках" М.Е. Салтыкова-Щедрина» (1956); В.В. Прозорова «М.Е. Салтыков-Щедрин» в сб. «Русская литература и фольклор» (1982); Г.А. Абдуллиной «Фольклоризм М.Е. Салтыкова-Щедрина в научном осмыслении последних лет» (1985); С.Е. Никитиной «Концепт судьбы в русском народном сознании (на материале устнопозитических текстов)» (1994). В пространственно-временной организации художественного мира литературного произведения отражено представление о его судьбе. Творчество Салтыкова-Щедрина изобилует образами времени и места, имеющими символическую насыщенность. Важным вкладом в изучение вопроса стала работа Д.П. Николаева, посвященная «Истории одного города» в книге «Три шедевра русской классики» (1971), в которой уделено много внимания гротеску, определяющему пространственно-временную систему знаменитой сатиры. Целая плеяда литературоведов глубоко исследовала социально-политические, философские воззрения сатирика, их отражение в его художественно-публицистических произведениях. В рамках второй половины XX - первого десятилетия XXI вв. этому посвящались работы известных отечественных ученых: В.Я. Кирпюгина «М.Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество» (1955), его же «Философско-эстетические взгляды Салтыкова-

Щедрина» (1957); С.С. Борщевского «Щедрин и Достоевский» (1956); Е.И. Покусаева «Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы» (1957), его же «Революционная сатира Салтыкова-Щедрина» (1963); Т.И. Усакиной «М.Е. Салтыков – критик Прудона» (1964), ее же «Салтыков и Герцен в сороковые годы» (1968); А.С. Бушмина «М.Е. Салтыков-Щедрин» (1970); П.С. Рейфмана «М.Е. Салтыков-Щедрин. Творческий путь» (1973); А.М. Туркова «Салтыков-Щедрин» (1971); К.Г. Исупова «Художественная философия истории М.Е. Салтыкова-Щедрина: от исторической риторики к литературной топике и стилистике» (1988); четырехтомная научная биография писателя, созданная С.А. Макашиным (1951–1989). В книге К.И. Тюнькина «Салтыков-Щедрин» (1989), а также в статьях В.В. Прозорова «"Суд истории" в идейно-художественной трактовке М.Е. Салтыкова-Щедрина» (1981), А.А. Слинко «Чаадаевские мотивы в "Истории одного города" М.Е. Салтыкова-Щедрина» (1996), А.М. Туркова «Салтыков-Щедрин – осознание современности как предчувствие будущего» (2005) отражена оригинальность и глубина социально-исторической мысли писателя. Среди созданных в конце XX - начале XXI века работ значительный интерес представляет книга С.С. Минаевой «Народ и власть в сатире М.Е. Салтыкова-Щедрина 1870-80-х годов» (2004); серьезного внимания заслуживает монография Е.Г. Постниковой «Мифология власти и власть мифологии: М.Е. Салтыков-Щедрин – Ф.М. Достоевский» (2009). Большой вклад в изучение общественно-политического аспекта сатиры Салтыкова-Щедрина внес коллектив ученых, выпускавших собрание сочинений сатирика в двадцати томах (25 книгах), в 1965-1977 гг., редакционная коллегия: А.С. Бушмин, В.Я. Кирпотин, С.А. Макашин (главный редактор), Е.И. Покусаев.

Научная новизна работы.

1) в диссертации прослеживаются истоки представлений писателя об уделе России в фольклорно-мифологическом сознании, рассматривается творческая связь этих представлений с русскими народными пословицами и поговорками, песнями, социально-утопическими легендами, духовными стихами,

летописями, с героической поэмой «Слово о полку Игореве», с демократической сатирой XVII в.;

2) подробно исследуется пространственно-временной континуум русского мира;

3) уделяется большое внимание попыткам Салтыкова-Щедрина решать социальные «противоречия» и «запутанные дела» пореформенной действительности;

4) проанализирован его подход к вопросу о возможности преодоления насилия в истории, политическом терроризме, судьбах молодого поколения, о приоритете материального или духовного для народных масс, о реальности пересоздания верой и Словом мира, лежащего во зле. Особое значение уделяется точкам соприкосновения писателя с Пушкиным, Гоголем, Герценом, Достоевским, Тютчевым, с публицистом И.С. Аксаковым в решении проблемы.

Объектом исследования являются художественно-публицистические произведения Салтыкова-Щедрина в их историко-философских и этико-эстетических основаниях.

Предметом исследования стало творчество Салтыкова-Щедрина как эстетическая и социально-историческая система.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что его выводы могут быть использованы при чтении и разработке общих вузовских курсов по истории русской литературы XIX в., а также спецкурсов по творчеству Салтыкова-Щедрина и прозе второй половины XIX в., в процессе комментирования произведений писателя, готовящихся к переизданию.

Цель и задачи диссертации – раскрыть концепцию русского мира, созданную Салтыковым-Щедриным, как художественной и социально-исторической системы взглядов на национальную судьбу. Для достижения этого в рамках данной работы решаются следующие задачи:

1) рассмотреть, как при изображении родины проявляются связи писателя с фольклорно-мифологическим сознанием, с традициями устного народного творчества и древнерусской словесности;

- 2) исследовать пространственно-временное своеобразие русского мира в произведениях Салтыкова-Щедрина;
- 3) проанализировать трактовку художником-мыслителем общественно-политической ситуации пред- и пореформенной эпохи;
- 4) определить отношение автора к молодому поколению, которое во многом влияет на будущее страны;
- 5) уяснить критическую позицию Салтыкова-Щедрина в отношении института семьи;
- 6) осмыслить взгляды писателя на историческое призвание народных масс;
- 7) раскрыть понимание художником духовных ценностей и идеалов России.

Методология исследования. В основу исследования положен комплексный подход, объединяющий историко-литературный, сравнительно-исторический метод, предусматривающий рассмотрение материала в его синхронном и диахронном срезе, которые широко применялись в отечественном литературоведении к творчеству Салтыкова-Щедрина. Он нашел отражение в трудах С.С. Борщевского, А.С. Бушмина, А.А. Жук, В.Я. Кирпотина, Е.И. Покусаева, В.В. Прозорова, А.М. Туркова, К.И. Тюнькина, Т.И. Усакиной. Такой подход опирающийся на принцип историзма, учитывающий мировоззренческий аспект, позволяет показать, как воспринимались писателем социальные тенденции, политические процессы русской действительности эпохи Великих реформ, разрабатывались проблемы общественной психологии. Произведения Салтыкова-Щедрина в совокупности с произведениями других писателей-реалистов его современников предстают ярчайшими документами времени, запечатлевшими восприятие нацией своей судьбы в переломный исторический период. Одним из звеньев исследования выступает биографический анализ, который нашел блестящее воплощение в трудах С.А. Макашина. Без учета богатейшего жизненного опыта сатирика, его неповторимого восприятия 1850-х-1880-х гг., определившего выбор жанров, тем, сюжетов, невозможно было бы с должной полнотой решить поставленную в диссертации задачу. При рассмотрении художественного своеобразия

русского мира в произведениях Салтыкова-Щедрина, пространственно-временного континуума, в котором воплощаются философские, этические, эстетические установки автора, использован метод, базирующийся на работах М.М. Бахтина.

Положения, выносимые на защиту:

1) в произведениях Салтыкова-Щедрина Русь предстает страдающей в прошлом и настоящем от Кривды, Горя-Злочastia, которые искажают ее облик, борются с Правдой, но тяжкая судьба родины вызывает к преодолению;

2) художник раскрывает своеобразие русского мира в его бытовании в пространстве и во времени, в динамике и статике, свидетельствующих о глубоком конфликте, таящемся в его недрах;

3) исследуя острейшие политические вопросы, вставшие перед страной в пореформенное время, состояние социальной морали, писатель-сатирик приходит к выводу, что поиски выхода из идейных лабиринтов, попытки преодоления общественных противоречий мучительны, успех их проблематичен, но иного пути для общества и мыслящей личности нет;

4) по убеждению писателя, демократическая молодежь, является силой, которая способна активно влиять на будущее страны, но это станет возможным только при условии ее приобщения к разумной практической деятельности, отказа от экстремизма, нигилистических настроений;

5) Салтыков-Щедрин демонстрирует противоречия народного сознания, порожденные тяжелейшим экономическим положением, но настаивает на том, что массы должны находить опору в самих себе, хранить свои идеалы, осознать, что они в ответе за судьбу России;

6) вера писателя в способность Слова пересоздавать мир, в неизбежность религиозно-этических традиций России, в значение Евангельских положений и образов для национального сознания, культуры, в необходимость мужественного противостояния злу оставалась непоколебимой.

Апробация. Результаты работы были апробированы в 15 научных публикациях, в монографиях «Тема рода и семьи у Салтыкова-Щедрина в

литературном контексте эпохи» и «Судьба России в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина», в статьях в академических коллективных трудах.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, 7 глав, заключения и библиографического списка. Общий объем работы – 312 страниц.

Во **Введении** обоснована актуальность темы, определены предмет, цель и задачи исследования, степень научной разработанности проблемы, ее теоретическая и практическая значимость, дана общая характеристика методологических принципов исследования, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1. «Образ родины в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина: традиции устного народного творчества и древнерусской словесности». В этой главе рассматривается, как представления о родине, о добре и зле, воплотившиеся в произведениях фольклора, в древнерусских памятниках, проявились в трудах писателя. Салтыков-Щедрин активно вступил на литературное, журналистское поприще в «канун освобождения», когда создавался, по выражению М.К. Азадовского, «золотой фонд русской науки о фольклоре»¹. Для писателей пред- и пореформенной поры миф, фольклор, древнерусская литература стали богатой питательной средой, им открывалась огромная область духовного бытия народа. Погружаясь в эту сокровищницу культуры, писатели-реалисты познавали самих себя. Исследователи отмечали, что среди стилеобразующих элементов щедринской сатиры фольклор занимает важное место, с ним связаны в той или иной степени все его произведения, в которых отражается истинно народное миропонимание, начиная с «Губернских очерков» до «Пошехонской старины». Салтыков-Щедрин цитирует духовные стихи, лирические песни, обращается к сказочным мотивам и образам, включает в повествование пословицы и поговорки. Для него фольклор – показатель великих духовных возможностей масс². Образ родины раскрывается

¹ Азадовский М.К. История русской фольклористики. М.: Учпедгиз, 1956. – С. 36

² Соколов Ю.М. Из фольклорных материалов Щедрина // Литературное наследство. Т. 13-14. Щедрин. П. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. – С. 36; Покусаев Е.И. М.Е. Салтыков-Щедрин и устное народное творчество // Ученые записки Саратовского гос. ун-та. Т. XX. Вып. Филологический. Саратов: Изд.

им не только в социально-бытовых, социально-политических ипостасях, не менее важно для писателя изображение России как поля взаимодействия природно-стихийных сил: Огня, Воды, Воздуха, Земли, связанных с мифологическими представлениями. Образ Огня, и близких ему Пожара, Солнца, несет значение стихийности, катастрофичности, бунта, воплощает губительную, слепую силу, загадочен. Вода символизирует темную, неуправляемую стихию, а Снег (мокрый Снег), Лед (замерзшая Вода) – смерть, безнадежность, тоску. Снег часто ассоциируется в произведениях Салтыкова-Щедрина с саваном. Со стихией Воздуха семантически связаны образы ветра, дыма, морозного пара, холода. В поднебесье, которое считается обиталищем демонических сил, исчезает зловещий Угрюм-Бурчеев. Образ Земли-матери для русского сознания часто синонимичен родине, связан со страданием, долготерпением. В ряде произведений Салтыкова-Щедрина возникает образ Земли, придавленной горем. Огонь, Вода, Воздух стихии таинственные, грозные по отношению к человеку. Ближе к нему Земля, но и она готова обернуться злой мачехой, болотом, кладбищем, гораздо более подчеркнута ее связь со смертью, чем с рождением, началом производительным, а люди могут проявлять легкомысленное, глумливое к Земле-матери. Стихии вступают во взаимодействие друг с другом, и тогда их отрицательное влияние на людей, их жизнь усугубляется. Мир природный в произведениях сатирика, является отражением дисгармоничной окружающей действительности, застоя и слепого буйства, хаотичности, «бессознательности» масс, а также загадочности истории, непредсказуемости судьбы России, ее вековых страданий, которые, однако, вызывают к преодолению.

Исследователь Ю.М. Соколов отмечал, что произведения сатирика содержат десятки, если не сотни, пословиц и поговорок. Интерес к этим жанрам проснулся у него во время службы в Вятке. В годы становления Салтыкова-Щедрина как писателя вышли различные издания русских народных пословиц

и поговорок: И.М. Снегирева, Ф.И. Буслаева, В.И. Даля. Отношение к родине, убогой и святой, к русскому государству, монархии, царящей повсеместно Кривде, с которой борется Правда, отразившееся в этих сборниках житейской философии, было творчески усвоено, а в ряде моментов критически осмыслено Салтыковым-Щедриным. Трактовка художником-сатириком образа России была в определенной мере обусловлена социально-этическими упованиями масс, которые не всегда совпадают с религиозно-догматическим учением, вплоть до превращения в откровенные ереси. Утопии о «земном рае», «сокровенном граде», где обитает Правда, широко бытовали в народной среде уже в раннем Средневековье. Во время службы в Вятке, Салтыков-Щедрин познакомился со старообрядческими рукописными книгами, списал популярный в этом краю «Стих об Асафе в пустыню входяща», «Стих об антихристе». Он был хорошо информирован относительно литературы, посвященной старообрядчеству. О секте бегунов, отвергавших господскую власть, писатель рассказывает в хронике «Пошехонская старина», в книге «Убежище Монрепо» упоминается о «взыскании вышнего града», как о неустанном стремлении к социальной гармонии и высшим этическим ценностям. В «Губернских очерках» Салтыков-Щедрин цитирует «Стих об Асафе» с его восхвалением аскезы. Пустыня воспринимается богомольцами и странниками как чудное, сокровенное место на Руси, отыскав которое человек обрящет и Небесный Иерусалим. В сборнике П.А. Бессонова «Калики перехожие» помещен рассказ о Правде и Кривде из «Голубиной книги», источником которого являются различные апокрифы. В этом произведении рассказывается, что Правда Кривду переспорила, но как идеал ушла в мир горний. В творчестве Салтыкова-Щедрина социально-этическая проблематика находит воплощение в образе Правды, гонимой и торжествующей. Ее победа возможна, утверждает писатель, если есть те, которые хотят послужить ей, гонимые и обездоленные. Это убеждение составляло упование Салтыкова-Щедрина, давало импульсы к творческой деятельности. В «народных главах» «Губернских очерков» Русь предстает то путем к земному и небесному

Иерусалиму, то «Вышним градом», Святой Землей, чистые сердцем простецы прозревают, что Правда сокрыта где-то в недрах Руси. Однако в дальнейшем творчестве Салтыкова-Щедрина «Вышний град», «Святая Земля» подразумеваются как идеал, в то же время появляется гротескный город Глупов, один из градоначальников которого пародийный антихрист Угрюм-Бурчеев. Выступая как публицист и критик, Салтыков-Щедрин проводит мысль об архаичности «аскетических взглядов» на Россию, на состояние гражданского общества, по его убеждению, они антиисторичны, антисоциальны. Но художник-сатирик включает фольклорные, апокрифические мотивы и образы мрачного звучания в свою поэтику.

Салтыков-Щедрин испытывал глубокий интерес к историографии. К 1860-ым гг. значительная часть летописей вошла в научный оборот, и писатель имел возможность познакомиться с ними. Художник-сатирик ясно видел несчастья великой и обильной земли, страдающей от нестроений и распрей власть предержащих. Д.С. Лихачев отмечал хорошее знакомство Салтыкова-Щедрина с рукописями поздних летописей и хронографов, преимущественно XVII в., и указывал, что «История одного города» пародирует историческое сочинение, «написанное на основании летописи и с частичным использованием этой летописи»¹. Для писателя история заключается не в смене династий и деяниях князей, а в жизни народных масс.

Несмотря на то, что творчество Салтыкова-Щедрина отделяет от величайшего произведения Древней Руси героической поэмы «Слово о полку Игореве» семь веков, есть основания утверждать, что существует преемственная связь художника с этим произведением, выразившаяся в единстве активной гражданской, патриотической позиции авторов, в обращении к истории, как способу проникновения в смысл современных событий, в том, что образ России является у них основополагающим, в использовании фольклорных поэтических средств. Однако вопрос о власти,

¹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Художественная литература, 1971. – С. 365.

движущих силах истории решался Салтыковым-Щедриным с позиций просветительства шестидесятых годов.

Изображение Руси писателем генетически связано и с демократической сатирой XVII столетия, продолжающей народную устнопоэтическую традицию. Наиболее яркие из этих произведений, как например «Повесть о Шемякином суде», «Повесть о Ерше Ершовиче», исторически злободневны, направлены против явлений, имеющих серьезное общественное значение, писала В.П. Адрианова-Перетц¹. На протяжении всего творческого пути Салтыков-Щедрин безжалостно обличал эксплуатацию масс, произвол, алчность, обман. Русь административная была подвергнута им всестороннему сатирическому исследованию.

Замечательное произведение древнерусской литературы «Повесть о Горе-Злочастии», открытое А.Н. Пыпиным и Н.И. Костомаровым в 1856 г., было названо Салтыковым-Щедриным в рецензии «Сказание о странствии <...> инока Парфения» образцом «стиха аскетического». Но его идеи и образы оказались отнюдь не чуждыми писателю. Тема Гора-Злочастья сквозная в творчестве художника-сатирика. Различные беды и горести по пятам следуют за представителями простого народа, но даже сознавая безысходность ситуации, человек все-таки стремится заявить протест, сохраняет надежду на то, что где-то сокрыта справедливость. Сделанное в свое время А.В. Чичериным наблюдение относительно связи романов Достоевского с древнерусской традицией до известной степени можно приложить к творчеству Салтыкова-Щедрина: допетровская Русь не в ее устойчивой цельности, а в ее колебании, пошатнувшаяся, расщепленная, с пробудившейся литературной сатирой наиболее соответствовала духу его произведений². В творчестве писателя Русь предстает двойственной: она поле буйства стихий, энергий, страстей и царство мертвенности, усыпления. Салтыков-Щедрин с прискорбием констатировал торжество Кривды, Гора-Злочастия в прошлом и

¹ Адрианова-Перетц В.П. У истоков русской сатиры // Русская демократическая сатира XVII века. М.: Наука, 1977. – С. 127.

² Чичерин А.В. Ранние предшественники Достоевского // Достоевский и русские писатели. М.: Советский писатель, 1971. – С. 369-370.

настоящем родины, но в то же время она «сокровенный монастырь», «мать-пустыня», «Святой град» или путь к ним. Вопрос, почему прилепилась к Руси и русскому человеку доля, как противостоять ей, где пути спасения, из народного творчества, древней литературы перешел к писателям XIX в. Салтыков-Щедрин был в числе тех художников, для которых этот вопрос стал источником духовных страданий, скорбных размышлений, давших направление всей их деятельности. Писатель-сатирик трезво и сурово оценивал окружающую действительность, но критицизм и сомнения в том, что можно изменить русскую жизнь в исторически обозримом будущем, разорвать путы социального зла, сосуществовали у него с непоколебимой верой в конечное торжество Правды, с преданностью своей стране.

Глава 2. «Пространственно-временное своеобразие русского мира».

Салтыков-Щедрин неустанно изучал русскую жизнь и достигал обобщений огромного масштаба. Он стремился воспринимать Россию во времени и через время, что нашло отражение в названиях ряда его произведений. Художник испытывал особое пристрастие к топонимическим образам. Поразительно разнообразие хронотопов в его произведениях, которые находятся в сложных взаимоотношениях. Писатель рисует мир столицы и провинции, Россию в целом, в ее взаимоотношениях с Европой, мир усадебный, создает символические образы – Глупов, Ташкент, Пошехонье. Россия то растекается до подавляющей необъятности, то сжимается до размеров кротовой норы. Тема Петербурга в русской реалистической литературе XIX в. от Пушкина перешла к Гоголю, а затем была усвоена писателями «натуральной школы». Атмосфера столицы в ранних произведениях Салтыкова-Щедрина, Достоевского предстает гнетущей, безотрадной. Уже в начале своего поприща оба художника ощущали огромную силу зла, сосредоточенную в Петербурге, что делало этот город почти нереальным. Продолжение традиции сороковых годов в описании Петербурга прослеживается в цикле «Невинные рассказы» (1863), в «Дневнике провинциала в Петербурге» (1872). Изображенный в этом социально-авантюрном романе мир хаотичен, фантасмагоричен, населен хищниками и

пенкоснимателями. Здесь с наибольшей силой воплотился дух времени. В «Дневнике провинциала» Салтыков-Щедрин рассказывает о людях, живущих одним днем, о «смутном» в прямом и переносном смысле времени. Нередко в его произведениях встречаются антиэстетические изображения Петербурга, имеющие зловещий оттенок. «Северная Пальмира» представлена оплотом самодержавного государства, в ней сосредоточена целая армия чиновничества, чувствуется функционирование раз навсегда заведенной огромной бюрократической машины. Однако, как отмечал С.А. Макашин, несмотря на свой критицизм, сатирик был привязан к этому городу, потому что в Петербурге лучше всего прослушивалось биение общественного пульса страны, столица мобилизовала его творческие силы¹. Оппозиция Петербург – Москва лишена у Салтыкова-Щедрина всякого драматизма. Древняя столица «теплее» Петербурга, но и она депозитизируется сатириком. Оба города мало чем отличаются друг от друга. Разве что политический консерватизм проявляется в Москве откровеннее, прямолинейнее, но идеологическая, общественная атмосфера в них однородна. Для Салтыкова-Щедрина Петербург – город спрут, сосущий страну, из него исходит идеологическое давление на Россию, он чужд, враждебен ей, и в то же время является ее составной частью, сердцевинной. Этот образ во многом определяет противоречивую пространственно-временную организацию русского мира и усугубляет ощущение скорбной истории родины.

Одной из важнейших сфер русской жизни является провинция. Салтыков-Щедрин был ее знатоком. Созданное им изображение русской глубинки демонстрирует острейшие социально-экономические проблемы, противоречия, требующие незамедлительного разрешения, отсутствие инициативы, живого начала. Писатель прошел суровую школу в «глуповских палестинах». Глава «Скука» в «Губернских очерках» своего рода филиппика провинциальному миру, растлевающему людей мелочностью, бездуховностью существования. Но его жизнь имеет и светлые стороны, связанные со встречами с простыми

¹ Макашин С. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-е-1870-е годы. Биография. М.: Художественная литература, 1984. – С. 323.

людьми, с Великими праздниками Рождества и Пасхи, когда возникает ощущение вечности и благодаря этому пульса полноценного времени. В такие моменты все преобразуется, одухотворяется, изменяется природа. По мере творческого развития Салтыкова-Щедрина его обобщения становятся все более глубокими. В цикле «Письма о провинции» (1868-1870) он констатирует, что, несмотря на все метаморфозы, атмосфера в пореформенной глубинке остается затхлой. Вяло текущее настоящее как будто обособилось от прошлого, но оно замкнуто, из него не прорастает будущее. А на повестке дня стоят сложнейшие задачи преобразования хозяйственной, административной, культурной сфер провинциальной жизни. Провинция по-прежнему убеждена, что она неполноценна, зависима от эксплуатирующего центра. Ее пространства пересекаются уродливыми колеями и пыльными дорогами, там приютилось множество унылых захолустных городков, с характерными названиями Соломенный, Навозный, Глупов и т.п., которые находятся как бы вне жизни, прозябают. Везде бедность, убожество, грязь, скучная планировка, время еле тянется, почти замирает. Точь в точь как у Гоголя, «все бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни»¹.

Образ города занимает особое место в мировой культуре, в частности он может быть моделью государства. У Салтыкова-Щедрина в произведениях 1860-х гг. возникает провинциальный город Глупов, который воплощает черты уходящей в прошлое крепостнической России. С ним генетически связан образ-символ Глупов из «Истории одного города». Город-гротеск символизирует всю Российскую империю, это сатира на деспотизм, политическую отсталость, безволие масс. План казарменной антиутопии Угрюм-Бурчеева грозное предостережение будущему. Автор виртуозно манипулирует пространственными формами, временные пласты гротескно совмещаются, пересекаются. Сатирик сознательно разрушает иллюзию исторического правдоподобия, чтобы нагляднее показать неизменность основ государственной жизни России: ее настоящее и прошлое тождественны. В финале происходит

¹ Гоголь Н.В. Полн.собр.соч.: в 15 т. Т. VII. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 19... – С. 7.

разрушение времени, но если исходить из описи градоначальников, история Глупова возвращается на круги своя: после Угрюм-Бурчеева в город въезжает Перехват-Залихватский, как победитель, сжигает гимназию, упраздняет науки. Все это усугубляет мрачный характер произведения. Образ города в знаменитой сатире свидетельствует, что Салтыков-Щедрин двигался в русле гоголевской традиции, но при этом сохранял оригинальность, самостоятельность творческих решений.

В 1870-е гг. Салтыков-Щедрин открывает для себя новую общественно-политическую сферу. На смену Глупову он создает более отвечающий требованиям времени образ Ташкента, выступающий в форме реально существующего географического названия. Этот топонимический образ был подсказан сатирику злоупотреблениями администрации, махинациями дельцов в присоединенных недавно к России среднеазиатских землях, принявшими огромные размеры. В обобщенном смысле Ташкент там, где попираются гражданские свободы, господствует кулачное право, хищничество, коррумпированность, беззастенчивая эксплуатация масс. Ташкент может существовать и за границей, более того, он может устроить себе храмину в нравах и в сердце человека. Социальный тип ташкентцев характеризуют низменные желания, потребительская идеология, уверенность, что все вокруг предназначено к хамскому стяжанию. Ташкентцы способны опошлить любое пространство. Их распространение – характерная черта переходной эпохи. Таким же масштабным топонимическим образом в творчестве писателя-сатирика является Пошехонье, населенное пошехонцами, воплощающими все достойное осуждения в национальном характере, образе жизни.

Важная роль в русском мире принадлежит поместью, дворянскому гнезду. Салтыков-Щедрин относится к нему как суровый реалист, хотя иногда не отвергает сожаления о нем. Его безотрадные изображения усадьбы противопоставлены описаниям Толстого, Тургенева. Деятельность человека, живущего сиюминутными интересами, унижала и уничтожала вверенную ему природу. С пространством связывались сугубо материальные потребности, и

оно «материализовалось», опошлялось. Планировка дома, разделенного перегородками на каморки, соответствовала мелочному, примитивному существованию. Его изображение часто связано с распадом, умиранием. В «Убежище Монрепо» это усыпальница, в «Господах Головлевых» гроб, даже Богатырь из сказки «Богатырь» (1886) находился в жилище-дупле, полном болотной гнили, нечистоты, что делало его похожим на гроб, могилу. Цикл «Убежище Монрепо» можно назвать прощальным словом и одновременно приговором дворянскому гнезду. Его владелец приходит к выводу, что Заманиловка (она же Монрепо) «пустое пространство», которое угнетающе действует на душу. Здесь происходит угасание жизни, время все замедляет свой бег, чтобы совсем остановиться. Промотавшемуся дворянину приходится продать имение буржуазному хищнику Разуваеву. Происходит гибель усадебного мира, столетиями сложившихся форм действительности и появление новых, вульгарных, грубо материальных, под властью «чумазого», почти нечистого. Усадьба один из центральных образов романа «Господа Головлевы» (1875-1880). В этом произведении дом предстает зловещим, призрачным. В головлевском мире нет ни прошлого, ни будущего, только минута, которую надо как-то прожить, клейкая, еле тянущаяся, события душат заторможенностью. Можно сказать, что роман «Господа Головлевы» это драма разрушения пространства (усадьбы, дворянского гнезда, храмины души человеческой) и времени, чем обусловлено появление образов светящейся пустоты, безграничной свободы, гроба. Не только дворянская усадьба рисуется сатириком в безрадостных тонах, это относится и к крестьянскому обиталищу, свидетельствующему о безотрадной участи мужика.

Города, усадьбы, деревни разбросаны среди необозримых просторов России. Если Гоголь ощущал их загадочную, мистическую мощь, то для Салтыкова-Щедрина от этих пространств веет тоской. Люди на них испытывают какое-то сиротство, почти уничтожаются. Но эти просторы тоже страдают. В пейзажной палитре сатирика доминируют сероватые, мертвенно-белые тона. Его постоянная метафора «снег – белый саван». Холод, оцепенение, угнетающая

белизна для Салтыкова-Щедрина некий устойчивый признак русского пространства. Синонимом пространству, простору в произведениях сатирика может выступать пустыня. Идеальный образ, фигурирующий в «Губернских очерках», в дальнейшем переосмысливается им, его положительный знак меняется на отрицательный: «матери-пустыни» больше нет, а есть «надрывающая сердце пустыня».

Одной из форм пространства у Салтыкова-Щедрина является болото, по народным представлениям место гиблое, нечистое. На болотине был основан город Глухов. Этот образ связан с «обыкновенной русской лужой», темной, нищей деревней, из которой выпрыгивает «мальчик без штанов». Другая его разновидность – кладбище. Те эпизоды щедринских произведений, где оно изображается, исполнены щемящего горя. В последнем рассказе «Забывшие слова» кладбище охватывает всю землю.

Русские просторы подвергаются опасности сделаться объектом всевозможного насилия. Так, авторы консервативных социальных проектов в «Дневнике провинциала в Петербурге» предлагают ввести децентрализацию «непреодолимых и обширных пространств», удаляя неблагонадежных людей в места, ближайшие к Ледовитому океану.

Гоголь ощущал упоительную, грозную, мистическую связь с Русью, с ее далями. У Салтыкова-Щедрина чувство этой близости основано на боли. В цикле «За рубежом» Россия противопоставляется всему миру, по логике автора – «у нас лучше. Лучше, потому что больней»¹.

С помощью художественной топики сатирик демонстрирует, как профанируется в современном ему обществе представление об отечестве, унижается понятие пространства, которое сводится к административной номенклатуре. То же самое происходит, когда похвалы России становятся идеологическим штампом, пошлым общим местом. В сатире Салтыкова-Щедрина слова о любви к родине может произносить сугубо отрицательный

¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. XIII. М.: Художественная литература, 1972. – С. 334. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

персонаж, и тогда они приобретают кощунственный оттенок. Писатель использует топонимические образы для разоблачения равнодушного, циничного отношения господствующего класса к отечеству, которое превращается в объект купли-продажи, а также для обличения административно-бюрократической системы, лишающей Россию достоинства страны, превращающей ее в какое-то неопределенное пространство. Подчас Салтыков-Щедрин использует временные и пространственные образы для осмеяния идеологических, общественных явлений. Он неоднократно повторял, что мифологизация истории означает отрицание веков тяжких страданий и испытаний, будущего. История не «светозарный круг», где власть предрешающие, княжения сменяют друг друга, а жизнь народных масс. В статье «Современные призраки» (1863) сатирик высказывает просветительское убеждение, что и на бесплодном месте может возникнуть развитие. Однако в «Забытых словах», имеющих трагическую окраску, время, пространство, движение покорены смертью.

Неоглядные русские просторы пересекаются дорогами. Гоголь писал в «Выбранных местах из переписки с друзьями», что для русского теперь открывается путь к спасению, и этот путь есть сама Россия. В произведениях Салтыкова-Щедрина необозримый простор Руси с ее столицами, городами, провинциальной глушью, усадьбами, деревнями, болотами, кладбищами прорезан великим множеством дорог, среди которых обретается Путь.

Время и пространство в художественных произведениях связаны со статикой и динамикой. Салтыков-Щедрин часто рисует жизнь, погруженную в тяжелый, непробудный сон, подобный смертному, или же изображает бессмысленное, убивающее тоской перемещение в никуда, томительное блуждание с появлением миражей. Поступательное движение может быть исполнено муки, иметь характер подневольности, неизбежности – так происходит с многомиллионным крестьянством, которое идет вперед, потому что больше некуда идти. Салтыкову-Щедрину порой казалось, что русская жизнь фаталистически течет по замкнутому кругу, который неизвестно, как

разорвать, и гнет вековых предрассудков все усугубляется. Он понимал, что только целенаправленное движение может вдохнуть жизнь во все формы русского пространства.

Написанная Салтыковым-Щедриным в дореформенный период статья «Стихотворения Кольцова» завершается оптимистическим выводом, что современные литераторы стремятся освоить действительность, тверже стоят на родной почве. Русское общество молодо и может надеяться на будущее. Эти слова, возможно, служат ответом Гоголю, упрекавшему современников в «Выбранных местах из переписки с друзьями» в том, что у них нет желания исполнить свой гражданский, христианский долг перед Россией. Мир, который предстает в произведениях писателя-сатирика, до крайности противоречив, неупорядочен, трудно постигаем. Все свидетельствует о глубочайшем конфликте, таящемся в его недрах. Но сатирик не теряет надежды, что он может стать разумным, развиваться логически. Важнейшее условие этого – пробуждение труждающихся и обремененных, всего русского общества, которое обязано бороться и искать.

Глава 3. «Социально-политические "противоречия" и "запутанные дела" России». Салтыков-Щедрин активно вступил на литературное, журналистское поприще в период накала общественных страстей в стране, начинающей новую историческую эпоху. Русские литераторы напряженно размышляли, по какому пути пойдет Россия, что сулит ей грядущее. Новый, нарождающийся буржуазный строй не решал коренных вопросов национальной жизни. Переворотившаяся жизнь поставила перед русскими людьми множество сложнейших вопросов: экономических, социально-политических, этических, эстетических. В хоре деятелей тех лет голос Салтыкова-Щедрина, писателя, публициста, критика, был одним из ведущих. Эта удивительная эпоха получила глубокое отражение благодаря его творчеству. Пристальное внимание к темным сторонам действительности соединялось у него с верой в будущее, в то, что Россия преодолет свою тяжелую судьбу. Сатирик беспощадно разоблачал либеральную, консервативную, шестидесятническую мифологии,

указывал на их ограниченность и, в конечном счете, бесплодность. Важнейший вопрос, который должно было решить русское общество после реформы 1861 г., куда должна двигаться страна. Поиски ответа на него сопровождались острой идеологической борьбой, в которой деятельное участие принимал и Салтыков-Щедрин. В 1863 г. им была написана историко-философская статья «Современные призраки», излагающая основы его мировоззрения. В процессе ее создания мысль автора питалась сочинениями И. Канта, Г. Гегеля, О. Конта, Л. Фейербаха. Важное значение продолжали играть для Салтыкова-Щедрина идеи социалистов-утопистов, в частности А. де Сен-Симона, у которого он воспринял представления о чередовании органических и критических эпох, термин «переходная эпоха». Взгляд Салтыкова-Щедрина близок трактовке исторического процесса Герценом (см. статью «Новые вариации на старые темы», 1847). Общественные идеалы понимались писателем как преходящие категории, которые в процессе развития человечества и его цивилизации исчерпывают себя, превращаются в «призраки», сменяются другими. Пристальное внимание художника-сатирика было устремлено на периодически повторяющиеся эпохи идейной разобщенности, разногласия, потрясений, когда содержание жизни утрачивается, а все скрепляется лишь формой. Салтыков-Щедрин называл их «провалами с истории». Подобное положение вещей чревато взрывом, катастрофой. Тогда история «гневно протестует против всех увещаний» и проходит подобно горячей лаве по рядам измельчавшего человечества. И люди и «призраки» мгновенно поглощаются, оставляя вместо себя голое поле, которое представляет истории прекрасный случай проложить для себя новое, более удобное ложе (VI, 394). В то же время Салтыков-Щедрин прекрасно отдавал себе отчет в том, насколько мучителен опыт социальных катаклизмов, потрясений. Предпочтительным для человечества является путь эволюционный, преобразование действительности целенаправленной практической деятельностью, опирающейся на достижения науки, воспитание общественного сознания и морали. Сатирик видел, что современная социально-политическая ситуация, уровень научного знания,

духовное состояние общества едва ли позволяют питать надежды на скорое изменение жизни. Но напоминать миру о том, что он находится под властью «призраков», анализировать те понятия, которые регламентируют человеческие отношения, все-таки необходимо. Таким образом «призраки» развенчиваются быстрее, и человечество получает некоторую частицу свободы, с увлечением отдается постоянной работе, его творческая энергия не растрачивается впустую.

Вопрос о преобразовании русской действительности затронут во многих произведениях сатирика, в частности в хронике «Наша общественная жизнь», ноябрь 1863 года, в очерке «Зиждитель» (1874). Салтыков-Щедрин оценивал пореформенную ситуацию скептически. Он считал, что административно-бюрократическая оппозиция наносит реформам ощутимый вред, а либеральные деятели не способны к последовательной, решительной борьбе за обновление страны. Сами же реформы половинчаты, проводятся с оглядкой на прошлое, перестают восприниматься обществом как подлинные преобразования, деморализуют его. Салтыков-Щедрин отмечал глубокий духовный кризис, потерю многими руководящей мысли в переходную эпоху, появление потребительски, хищнически настроенных социальных типов, людей, у которых нет ни принципов, ни морали. Это «шалуны» («Наша общественная жизнь», ноябрь 1863 года), паразиты-«легковесные» («Признаки времени»), ташкентцы («Господа ташкентцы»), пенкосниматели и хищники («Дневник провинциала в Петербурге»).

Особое внимание публицисты пореформенных лет уделяли патриотизму и общеславянской солидарности. Представителей демократического лагеря неоднократно обвиняли в равнодушии к этим вопросам и даже искаженном, незитичном освещении их. Так, И.С. Аксаков высказал возмущение статьями Н.В. Берга «Мои скитания по белу свету» («Современник», 1863, № 1-2), в которой дана отрицательная характеристика славян, находящихся в порабощении у Австрии, косвенно упрекая за это члена редакции «Современника» Салтыкова-Щедрина. Видимо, своеобразным опосредованным ответом писателя-сатирика

Аксакову послужила статья серба Ж. Склава «Славянский юг» («Современник», 1863, № 6), который писал о привычке к рабству, безынициативности, к упованию на помощь извне, присущие южным славянам. Эти качества Салтыков-Щедрин резко критиковал и в русском народе. Что же касается обвинений демократического лагеря в антипатриотических настроениях, то он решительно отвергал их. Тема отношения к отечеству затрагивалась художником-сатириком в хронике «Наша общественная жизнь», декабрь 1863 года, в связи с корреспонденциями Аксакова «Из Парижа» (написаны под псевдонимом Касьянов). Салтыков-Щедрин усваивает использованный публицистом-славянофилом юридический термин допетровской Руси «гулящие люди», разрабатывает его в различных модификациях. Этот социальный тип относится, в его понимании, к поколению «отцов», развращенному праздностью, крепостничеством, равнодушному к мысли об отечестве. Развернутое выступление о патриотизме мы находим в очерке «Сила событий» из цикла «Признаки времени» (1867-1868). Автор исходит из того, что истинный патриотизм разумен и высоко духовен, несовместим с паразитизмом, стяжательством, эгоизмом, царящими в современном мире. Отношение к родине должно быть свободным, сознательным: просвещенный, высокоразвитый человек является лучшим патриотом потому, что он ясно понимает идею общего блага и обладает необходимыми знаниями, позволяющими целесообразнее содействовать ее осуществлению. Пассивность, равнодушное отношение к отечеству могут быть обусловлены темнотой и нищетой людей, отстраненных от участия в делах страны. Следует подчеркнуть, что рационалистические, просветительские представления о патриотизме и общечеловеческом благе сочетались у Салтыкова-Щедрина с проникновенным чувством любви к своей бедной, многострадальной земле.

Писатель-сатирик много размышлял о путях преобразования русской действительности. Как отмечалось, его идейным фундаментом были теории французских просветителей-материалистов и представителей утопического социализма. Если первые, будучи в принципе сторонниками мирного развития,

все же допускали в качестве крайней меры насильственный переворот, то А. де Сен-Симон и Ш. Фурье исключали его безусловно¹. Известный исследователь творчества сатирика Е.И. Покусаев писал, что тот признавал революцию как метод в исключительных обстоятельствах, «в его трактовке мера эта крайняя, редкая и, как правило, вынужденная»². Опасность насильственных переворотов, по мнению писателя, заключается в том, что они влекут за собой большие человеческие жертвы, возникает сбой в жизнедеятельности общества и, наконец, происходят искажения, нередко утраты, тех идеалов, во имя которых совершался переворот. В целом, позиция Салтыкова-Щедрина в вопросе о политическом насилии близка герценовской. Оба неустанно обличали репрессии «справа», их разлагающее влияние на общество (см. ст. Герцена «Молодая и старая Россия», 1862, очерк Салтыкова-Щедрина «Они же» из цикла «Господа ташкентцы»). О насилии «слева» Салтыков-Щедрин не мог высказываться так свободно, как Герцен, но суждения последнего в статьях «Журналисты и террористы», 1862, «Иркутск и Петербург» (5 марта и 4 апреля 1866)» в целом не противоречат по своему духу убеждениям сатирика. Многие исторические примеры свидетельствовали, что в момент социального взрыва разумные начала отступают, насилие вырывается из-под контроля, действует по своим законам. Выйти из этого противоречия Салтыков-Щедрин пытался, разделяя действующие силы революции на идейных вдохновителей и исполнителей, самоотверженных второстепенных деятелей, т.е. разводя теорию и практику. Он оговаривался, что такое разделение будет носить временный характер и устранился по мере возрастания самосознания масс.

Творчество писателя, в котором отразились острейшие политические проблемы, вставшие перед страной в пореформенное время, свидетельствует, что поиски выхода из идейных лабиринтов, попытки преодоления противоречий мучительны, успех их проблематичен, но иного пути для общества, мыслящей личности нет. Во вступительной теоретической части к

¹ Мамджян Х.Н. Французское Просвещение XVIII века. Очерки. М.: Мысль, 1983. – С. 410.

² Покусаев Е.И. Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы. Саратов: Саратовское книжное издательство, 1957. – С. 187.

циклу «Господа ташкентцы» автор обращается к теме насилия, ставит вопрос о возможности преодоления зла в человеческой истории. Жизнь всегда свидетельствовала, что жестокость порождает жестокость, во имя каких бы целей она ни совершалась. Этот порочный круг вызывает самые печальные прогнозы. Насилие над массами, над человеческой личностью всегда порождало в писателе страстный протест, воспринималась им как темная сторона исторического процесса. Но он не склонял голову перед этой неизбежностью социального зла.

Из опыта шестидесятих годов выросло отношение Салтыкова-Щедрина к политическому терроризму последующих лет. Он считал существование оппозиционных политических обществ объективной данностью, в то же время выступал решительным противником «сектаторства». Деятельность тайных обществ 1870-х-1880-х гг. не могла встретить сочувствия у гуманиста, просветителя Салтыкова-Щедрина. Кроме того, писатель-мыслитель ясно понимал, что подобные методы борьбы ведут к ответным жестким репрессивным мерам со стороны правительства (см. его письмо А.Н. Островскому от 14 апреля 1878 г., письмо А.Н. Энгельгардту от 27 марта 1879 г., запись беседы В.П. Кранихфельда с Л.Ф. Пантелеевым, свидетельство Л.Ф. Пантелеева в книге «Из воспоминаний прошлого»).

Вопрос «Что нам делать с Польшей?» был поистине «роковым вопросом» для России. В 1863 г., когда вспыхнуло польское восстание, сотрудник «Современника» Салтыков-Щедрин не имел возможности прямо высказаться на эту тему. Писатель не верил в успех восстания, считал в случае его неудачи ужесточение внутривнутриполитического курса в России. В статье «Драматурги-паразиты во Франции» он в эзоповской манере дал понять, что, как бы ни хотелось русскому правительству, отделение Польши в будущем неизбежно. В хронике «Наша общественная жизнь», сентябрь 1863 года, публицист с сарказмом высказался о заявлениях частных лиц, корпораций в поддержку правительства, стекавшихся в Петербург. По его мнению, эти проявления верноподданнических чувств инспирируются охранительными периодическими

изданиями, организуются людьми, преследующими своекорыстные цели, выполняющими определенный политический заказ. Особое внимание он уделил письму студентов Московского университета, помещенному в газете «День». Это заявление, сатирик охарактеризовал как образец легковесного, казенного патриотизма незрелых людей, не знающих жизни. Польский вопрос был завуалированно затронут им в хронике «Наша общественная жизнь», апрель 1863 года, в неопубликованной рецензии на брошюру «О русской правде и польской кривде», в рецензии на книгу В.В. Львова «Сказание о том, что есть и что была Россия...», на публикацию С. Громеки «Киевские волнения в 1855 году». Он указывал на опасность разжигания чувства национальной исключительности, которое питает не патриотизм, а темные начала в людях. Однако следует подчеркнуть, что оценка Салтыковым-Щедриным причин восстания, его действующих сил не была односторонней. Анализируя в хронике «Наша общественная жизнь», ноябрь 1863 года, картину Н. Ге «Тайная вечеря» и интерпретируя образ Иуды, публицист в иносказательной форме выразил мысль об ограниченности сугубо национальных устремлений, эгоистических в своей сущности, подразумевая, как представляется, деятелей польского аристократически-шляхетского движения, подогреваемых религиозной нетерпимостью.

Салтыков-Щедрин пронес через всю жизнь веру в социалистические идеалы, однако он решительно отвергал возможность воплощения этих идеалов в обществе, не подготовленном к их восприятию, недостаточно развитом экономически, научно-технически, интеллектуально. Отсюда проистекало его критическое отношение к роману «Что делать?» Салтыков-Щедрин считал, что утопические настроения антиисторичны, чреваты опасностью для практической, насущной деятельности, особенно на русской почве. В очерке «Каплуны» (примерно 1862), который вызвал, как известно, сомнения и возражения Чернышевского, сатирик подчеркивал, что от современности к гармоничному, справедливому общественному строю ведет долгий, тернистый и непроясненный путь: «... насилие не упразднено, а идеалы далеко...» (IV,

253). Относительно попыток некоторых шестидесятников осуществить на практике принципы коллективизма, реализованные в Знаменской коммуне, Салтыков-Щедрин отзывался как о деле «совершенно ребяческом», о котором «лучше всего позабыть» (XX, 189). Размышляя над особенностями психологии, менталитета мыслителя-утописта, он не подвергает сомнению роль представителей этого философского направления в истории, но в то же время подчеркивает, что они люди мысли, кабинетные, а не практики. Они отыскивают абсолютную истину, но вести человечество к ее осуществлению не могут. И в этом заключен трагизм их существования. К пересозданию жизни общества следует подходить с конкретной реальной программой, основанной на строго научном анализе современного строя. Салтыков-Щедрин видел свой долг в том, чтобы пробуждать в современниках гражданские чувства, ответственность за все, что происходит со страной, боролся с вопиющими проявлениями деспотизма, произвола, отсталости, предупреждал об опасных по своим последствиям идеологических явлениях, старался распутать клубок национальной жизни. Как бы сложна, противоречива, длительна ни была переходная эпоха, каким бы туманным ни представало будущее, русское общество должно мобилизовать все свои здоровые силы, деятельно противостоять тяжелой судьбе.

Глава 4. «Молодое поколение – надежда и боль М.Е. Салтыкова-Щедрина». В русской литературе, критике, публицистике пред- и пореформенных лет получила широкое развитие тема идейных поисков и блужданий молодого поколения, острых противоречий между мировоззренческими, культурными традициями и зарождающимися новыми взглядами на историю, социальные институты, личность, труд, научное знание. Салтыков-Щедрин внес весомый вклад в ее разработку. Вопросы о путях национального развития, о создании социального романа, поиск героя времени были во многом связаны для него с юной Россией, новой разночинной интеллигенцией. Салтыкову-Щедрину предстояло внимательно изучить вступающее в жизнь поколение, новую интеллигенцию, решить, деструктивное

или созидательное начало преобладает в этой социальной силе. В развернувшихся спорах о молодом поколении Салтыков-Щедрин выступал как его горячий защитник и одновременно нелицеприятный судья. Что представляет собой молодое поколение, каковы его чаяния, возможности и судьбы, – вопрос не только к обществу, но и к русскому юношеству, считал он. Начался сложный процесс пробуждения самосознания молодежи. Для сатирика было бесспорным, что стремление самостоятельно мыслить и действовать, естественное право молодого поколения. Однако при этом он исходил из убеждения, что всякое отрицание «порядка вещей», каких-либо норм жизни должно основываться на гуманистических, позитивных общественных идеалах. Сатирик ясно видел ошибочные моменты во взглядах и деятельности нового поколения. Более того, он, как известно, предугадал процесс ренегатства, начавшийся в русских демократических кругах с середины 1860-х гг.

Отношение к нигилизму как особому умонастроению интеллигенции 1860-х-1870-х гг. определялось для деятелей русской культуры прежде всего тревогой за будущее страны. Ряд литераторов, общественных деятелей считали нигилизм порождением и неизбежным следствием западничества. Такой позиции придерживались Н.Н. Страхов, Достоевский. Тургенев в статье «Гамлет и Дон-Кихот» (1860) ставил вопрос о границах отрицающей мысли и проблемах, встающих перед ней. По убеждению Герцена, максимализм молодежи подготовлен деятелями его поколения, людьми сороковых годов. Он трактовал нигилизм как прием мышления в переходный период, когда молодая личность бросает вызов представителям старшего поколения, которое утратило право на уважение. В то же время Герцен решительно разоблачал опасную сторону нигилизма, политический авантюризм, волюнтаризм (см. письмо Н.П. Огареву от 29/17 апреля 1868 г.). В «Письмах к старому товарищу» (1869), обращенных к Бакунину и отчасти к Огареву, он решительно отверг теорию и практику анархизма. Деятели «Современника» единодушно отмежевывались от базаровского нигилизма, который считался в их кругу идеологической

фикцией¹. В этой сложной идейной ситуации Салтыков-Щедрин настойчиво повторял, что для современного общества понятия «нигилист», «нигилизм» остаются непроясненными, они часто используются охранительными кругами для дискредитации молодежи. В то же время сатирик подверг критике «птенцов» из «Русского слова» Писарева и Зайцева за естественнонаучный позитивизм, утилитаризм. От внимания писателя не укрылась непродуманность заявлений, действий представителей «отрицательного направления» шестидесятых годов, теоретическая мелкость протеста, нетерпимость, доходящая до забвения здравого смысла, догматизм, страсть к разоблачительству. К сожалению, констатировал Салтыков-Щедрин, крайности в молодежном движении становятся причиной того, что в общественном сознании происходит смешение юношеских исканий своего пути с пропагандой аморализма, цинизма. Он считал, что недостатки и достоинства молодежи тесно связаны, являются продолжением друг друга. В рецензии «Уличная философия», в отчете «Так называемое “нечаевское дело” и отношение к нему русской журналистики» Салтыков-Щедрин защищал не радикалов-нигилистов, экстремистов, а саму идею молодого поколения, чающего индивидуальной и социальной свободы, переустройства жизни. Сатирик старался донести до читателя мысль, что именно «порядок вещей», политика власть предержащих, провоцирует молодое поколение на противодействие, подчас в уродливых, крайних формах. Он критически оценивал беллетристические произведения 1860-х гг., отрицательно трактующие искания нового поколения, в хронике «Наша общественная жизнь», март 1864 года, в рецензиях на пьесы Ф.Н. Устрялова, Н.И. Чернявского, повести В.П. Авенариуса. Особое внимание Салтыков-Щедрин сосредоточил на популярных антинигилистических романах «Взбаламученное море» А.Ф. Писемского (1863), «Марево» В.П. Ключникова (1864), «Некуда» Н.С. Лескова (1864), «Обрыв» И.А. Гончарова (1869). Последнее произведение, по мнению Салтыкова-Щедрина, творческая неудача

¹ Щербakov В.И. «Реалисты». Вступительная статья // Писарев Д.И. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 6. М.: Наука, 2003. – С. 526, 528.

автора, обусловленная его позицией, которую критик определил как «дидактизм, полемизирующий в пользу интересов отживающих в ущерб интересам нарождающимся» (IX, 411).

Самое главное в отношении писателя к юношеству сформулировано им уже в книге «Губернские очерки». Для сатирика наивный энтузиазм, пытливость ума, бескорыстная жажда добра и правды являются неоспоримыми ценностями. Юность права потому, что она знаменует обновление, движение жизни, в ее настроениях проявляются веяния эпохи. В силу этого новые поколения заслуживают уважительного отношения и серьезного внимания. Он с пониманием относился к стремлениям молодежи жертвовать собой ради идейных убеждений, но при этом скорбел об их преждевременной гибели. Салтыков-Щедрин с горечью отмечал, что возросло и преуспевает множество буржуазных приспособленцев, карьеристов, людей, стремящихся к всевозможным благам, а юноши, встающие в оппозицию к существующему строю гибнут. Но какие бы проблемы не стояли перед русским юношеством, писатель видел в нем надежду и будущее страны и прежде всего обвинял внешние условия, ставящие молодое поколение в драматическое положение.

Салтыкова-Щедрина глубоко волновала проблема детства. Она решалась им в контексте тревожных размышлений о современной России, семейном союзе, о самореализации человеческой личности. Художником создан ряд детских образов, которые вызывают глубокое сочувствие, грусть. Писатель остро чувствовал, что окружающая действительность часто таит много опасностей, источников горя для ребенка, выступает враждебной ему («Миша и Ваня. Забывая историю», «Господа Головлевы», «Рождественская сказка»). Остро поставлена проблема детства в хронике «Пошехонская старина». В ней перед читателем разворачивается «подлинный детский мартиролог». Автор не только яркими красками описывает печальное положение детей в помещичьей семье Затрапезных, но специально посвящает VII главу хроники под названием «Дети. По поводу предыдущего» теоретическим размышлениям на эту тему. Раздумья о воспитании, образовании подрастающего поколения связываются в

ней с масштабными вопросами о благополучии или злополучии страны. Проблема вселяет глубокую тревогу в Салтыкова-Щедрина, порожденную состоянием общества, семьи, педагогической науки. Художник придавал раннему периоду в жизни человека важнейшее значение, считая, что первоначальные впечатления оказывают определяющее влияние на натуру, формируют личность, через родителей и воспитателей ребенок приобщается к социальным отношениям. Салтыков-Щедрин подчеркивал, что человек не должен погрязать в частностях современности, а стремиться к идеалам будущего, в которых воплощается все лучшее, завещанное и выработанное прошлым и настоящим. Когда общество поглощено лишь «злобой дня» и равнодушно к грядущему, это не может не сказаться отрицательно на молодом поколении. Рутинная педагогика не готовит детей к вступлению в самостоятельную жизнь, не учит противостоять неизбежным испытаниям, загроужает их массой бесполезных знаний. Участь детей особенно печальна потому, что они лишены участия в собственном жизнестроительстве. Люди вступают на арену деятельности с примитивными общественными идеалами, лишенными твердых нравственных критериев, конформистами. Художественно-философская концепция детства Салтыкова-Щедрина во многом близка позиции Достоевского. Художники испытывали величайшую боль за ребенка, обреченного на страдания в собственном гнезде. Для обоих писателей было несомненным, что дети обладают удивительными интуициями, инстинктивной тягой к добру, но несформировавшийся характер, неразвитые интеллект и воля, отсутствие жизненного опыта делают их беззащитными перед лицом зла. Мысль «страшно за детей» неоднократно возникает в произведениях и письмах Салтыкова-Щедрина. «Детский вопрос», как «женский» и «мужской» вырастает у него до проблемы свободы человеческой личности, будущего отечества.

Глава 5. «Судьба семьи – судьба России». «Мысль семейная» всегда имела большое значение для русских писателей-реалистов. В их произведениях она обязательно связывается с темой «почвы», родины. Пушкин считал, что

уважение к истории, к своему роду формирует в человеке чувство собственного достоинства, независимости, ощущение причастности общенациональной жизни. Связь с прошедшим и будущим, самовыражение в настоящем происходит прежде всего в семье, этом звене родовой цепи, без которого немислимо развитие социума. Избегая прямых аналогий, отметим, что Салтыков-Щедрин, как и Пушкин, столь же высоко чтит идею «своего Дома» – этой святой святых личности, о которой он писал: «Семья – это “дом”, это центр жизнедеятельности человека, это последнее убежище, в которое он обязательно возвращается, куда бы ни призывали его профессия и долг. Далее этого убежища ему некуда идти» (XIV, 340). Семью писатель считал «завещанным преданием связующим элементом» (XIV, 340). Немало произведений Салтыкова-Щедрина посвящено семье, целому роду – от ранней повести «Противоречия» до эпической «Пошехонской старины». Разработка этой проблематики писателем обусловлена скептическим и остро критическим взглядом на общество и человека. В силу особенностей своего таланта Салтыков-Щедрин исключительно ярко выражал социальный трагизм семейных коллизий. Он сумел показать самые отрицательные, темные стороны семейного союза в том его виде, в каком он существовал в России XIX в., неразрешимость проблемы «личность – семья – общество». Трезвый мыслитель, Салтыков-Щедрин никогда не делал попыток принципиально отвергать брачный, семейный союз, но при этом он глубже многих непримиримых критиков ставил вопрос об их дисгармоничности в современном обществе. Причины несбывшихся надежд, несчастья людей, утверждал он, коренятся в окружающей действительности, освободиться от гнета которой пока не дано. В семье должно происходить формирование будущих граждан, воспитание патриотических чувств, поэтому кризис семейного союза, в первую очередь дворянско-помещичьего, Салтыков-Щедрин считал грозным признаком общественного неблагополучия. Художник-сатирик остро ощущал, что в окружающем его мире происходит девальвация исконных нравственных ценностей, духовное огрубение людей,

разрушение родственных связей, дегуманизация жизни в целом. Негативное освещение получают у него изображения семейного быта и нравов, родового «гнезда», окружающей его природы. Исследователи творчества Салтыкова-Щедрина обязательно отмечали, какое важное место принадлежит мотиву собственности, накопительства, стяжательства, делового или карьерного преуспеяния в его произведениях. В изображенных писателем семьях как правило происходит подмена родственного общения отношениями собственников, удачливых и обойденных. С течением времени в трактовке Салтыковым-Щедриным семейно-родовой проблематики все более явственно звучат драматические ноты. Достижима ли гармония в обществе и в человеческих отношениях? Этот вопрос с исключительной остротой поставлен им в автобиографической сказке-элегии «Приключение с Крамольниковым» (1886). Как устроиться, чтобы семейное начало не мешало быть гражданином? В семье реализуется естественная жажда жизни человека, но общественное устройство превращает ее в позорное и жестокое игло.

Рисуя в «Господах Головлевых», «Пошехонской старине» распад патриархальной семьи, автор показывает деградацию мужского-отцовского начала и женского-материнского. Он демонстрирует, как традиционные семейства превращаются в «случайные», и человек через принадлежность к определенному роду не обретает укорененности в жизни, прочных связей с окружающим миром, в нем не культивируется чувство дворянской чести. Порой дети становятся жертвами самодурства и ограниченности родителей (рассказ «Непочтительный Коронат» из цикла «Благонамеренные речи»). Происходят и более страшные вещи: отец, Иудушка Головлев, становится фактическим убийцей сыновей. В 1870-е-1880-е гг. мысль Салтыкова-Щедрина неустанно обращалась к вопросу о взаимоотношениях старшего и младшего поколений, нарастающего отчуждения между ними. Художник видел в этом «зерно заправской русской драмы». Трагически звучит тема отцов и детей в рассказе «Больное место» (1879), одном из самых тяжелых произведений Салтыкова-Щедрина, в котором изображено, как рушится семья изнутри и

получает удары извне. Писатель-сатирик не отвергал социальной детерминированности явлений, а также роли наследственности, известной зависимости от нее удела личности, семьи, целого рода, но для него была неприемлема абсолютизация силы среды, биологических начал. В романе «Господа Головлевы» фатализм наследственности преодолевается моралистической, просветительской утопией, чудом «просияния» – предсмертным пробуждением одичалой совести в Порфирии Головлеве, а в хронике «Пошехонская старина» фатализм среды побежден просвещением Евангельскими истинами юного Никанора Затрапезного.

В вопросе о семейном начале и судьбе России ярко проявляется идейное отталкивание и взаимное притяжение Салтыкова-Щедрина и Достоевского. Об этом свидетельствуют статья «Одна из современных фальшей», декабрьский выпуск «Дневник писателя» за 1876 год, июльско-августовский выпуск за 1877 год, «Записные тетради» того же времени. Романист соглашается с Салтыковым-Щедриным, что вследствие равнодушия к идеалам, высшим целям распаталась семья. Но в то же время Достоевский замечает, что молодежь оставлена отыскивать смысл жизни в одиночку, от людей, влияющих на общественное сознание она может почерпнуть взгляд сатирический, но ничего положительного. Не преуменьшая различия мировоззренческих позиций обоих художников, следует подчеркнуть, что они на примере семейств разных слоев русского общества с величайшей тревогой указывали на опасность бездуховности, беспочвенности, цинизма, которые отравляют детей с колыбели, скорбели о пренебрежении к народу и России, предопределяющих участь молодого поколения. Упования художника-сатирика были связаны с изменением действительности на основе идеалов общественной справедливости, с торжеством просвещения и разума. Это позволило бы обновить и родственные отношения.

Глава 6. «Скорбный образ народа». Салтыков-Щедрин считал служение народу великой миссией, тем жизненным идеалом, который может «наполнить собой все содержание человеческой мысли и деятельности» (VI, 341-342).

Многие представители русского общества напряженно решали вопрос, что скрывается в «таинственных глубинах» (IX, 245) народных, какова роль масс в истории, влияют они, хотя бы опосредованно, на общественную, духовную жизнь России, как должны складываться отношения образованных и простых классов. В писателе рано пробудились демократические симпатии, он не остался равнодушным к эвдемонизму социалистов-утопистов, видевших призвание человечества в стремлении к материальному благосостоянию и нравственной гармонии. Взгляды молодого Салтыкова на народные массы во многом формировались под влиянием литературного критика Вал. Майкова, экономиста-социолога В.А. Милютин, петрашевцев, которые считали, что нищета является злом материальным и духовным, что причины бедности кроются в несовершенстве экономической системы, а человек и его деятельность представляют собой в данный исторический момент «не более как бесконечный ряд разногласий и противоречий, по-видимому непримиримых и безвыходных»¹.

В произведениях писателя образ народа тесными узами связан с образом родины, порой они почти сливаются в единое целое. В «Губернских очерках» нет сатирического изображения простых слоев, даже ноты критицизма едва ощутимы. Народ представляется в те годы Салтыкову-Щедрину «младенцем-великаном», которого надо разбудить и направить к сознательной исторической деятельности, познавать со всеми достоинствами и недостатками. Его характер, в понимании писателя, складывается из различных составляющих: это доброта, трудолюбие и пассивность, фатализм, беспечное отношение к своей участи, буйство, стихийный протест, что нашло отражение в произведениях устного народного творчества. В демократической среде могут родиться аскетические, сектантские настроения – антиисторические и антисоциальные, по убеждению Салтыкова-Щедрина. Источник их он видел в скудости интересов жизни, неразвитости сознания, нужде. Во время службы в Вятке писатель познакомился с таким явлением, как старообрядчество, изучал его фольклор,

¹ Милютин В.А. Мальтус и его противники // Современник, 1847, № 8. Отд. II. – С. 178.

произведения религиозно-моралистического характера. Теме старообрядчества посвящены некоторые его произведения, рецензии. Художник-сатирик с большим вниманием относился к антикрепостническим настроениям старообрядцев, в этом религиозном движении проявились, по его мнению, незаурядные организаторские способности русского человека. Неприемлемым представлялся ему административно-полицейский произвол в отношении приверженцев старой веры. Но он всегда был чужд идеализации раскола. В то же время неукротимость в конфессиональных вопросах, стойкость перед лицом гонений, готовность принять страдания за свои убеждения искренних последователей старообрядчества оказали глубокое воздействие на Салтыкова-Щедрина. Те наблюдения, которые он сделал на служебном поприще, осмыслились им в 1850-е-1860-е гг. и подготовили почву для того, чтобы в дальнейшем его творчестве представители крайних форм старообрядчества стали воплощением антикрепостнического протеста, а их духовные чаяния и твердость образцом служения высшим идеалам. Важнейшая особенность демократизма писателя заключалась в том, что он сочувственно изображал представителей простых слоев, не принимающих зло и несправедливость, и в то же время он никогда не умалчивал о темных сторонах народной жизни и сознания. Эта позиция сформулирована писателем-сатириком в известном письме в редакцию журнала «Вестник Европы» в ответ на обвинения А.С. Суворина в глумлении над народом в «Истории одного города». Основополагающий принцип Салтыкова-Щедрина в изображении народа – суровая правда. Он решительно выступал против бесплодной и оскорбительной жалостливости по отношению к крестьянской доле, против сентиментальных описаний мужицкой жизни, любых идеализаций.

Накануне реформы Салтыков-Щедрин исполнен светлых надежд на пробуждение народных масс. В своих статьях по крестьянскому вопросу 1861 г. он энергично защищает крестьянские права, видит в лучших представителях дворянства пропагандистов-образователей. Писатель высказывает уверенность, что после того, как падут оковы с беднейших слоев, масса, «торжествующая и

просветленная, чего не совершит, чего не подвигнет за собою» (V, 377). Народ нуждается в развитии, в просвещении, но при этом к нему нужно относиться с уважением, подчеркивал он. Эта точка зрения Салтыкова-Щедрина близка мыслям Достоевского из второй статьи «Книжность и грамотность», а также главной идее педагогических статей Толстого 1860-х гг.

Постепенно в произведениях 1860-х гг. оптимистические высказывания о народе начинают соседствовать с горькими и скептическими. Века рабства наложили роковую печать на крестьянство. Массы пробуждаются, и наряду с положительными, раскрываются их негативные свойства. Реакция народа на новые условия жизни, общественные отношения часто бывает непредсказуемой, стихийной. Такой взгляд развивается и крепнет у сатирика на протяжении первого пореформенного десятилетия и найдет свое полное выражение в итоговом произведении этого периода сатире «История одного города», которая по масштабам типизации занимает исключительное место в русской литературе. Вина и беда обитателей Глупова трудно отделимы друг от друга. Массы страшно принижены, считаются как бы вне истории, за ними отрицается право и способность формировать судьбу страны и собственную.

Уже в первые пореформенные годы тема «мужик» и «деревня» обретают в творчестве Салтыкова-Щедрина трагическое звучание. Злободневный вопрос о законности и праве применительно к среде крестьянства в пореформенной России поставлен Салтыковым-Щедриным в хронике «Наша общественная жизнь», апрель 1863 года, в связи с циклом очерков А. Фета «Из деревни». Последний выступает как хозяин нового типа, буржуазный. Салтыков-Щедрин подходит к положению крестьянина с позиций общегуманистических, общедемократических. Эти публицистические выступления свидетельствуют, что пока противоречия между «рачительным хозяином» и приниженным, бесправным работником вопиющи, а пути разрешения их неясны. В переходную эпоху перед русскими писателями, публицистами, общественными деятелями, озабоченными судьбой народных масс, с особой остротой встал вопрос, не сводимый только к области философии, социологии,

политэкономии, – в какой связи находятся для беднейших слоев материальное и духовное, что дает цивилизация, прогресс народу. Он обозначился и нашел свое отражение в противостоянии Белинского и Гоголя, затем стал предметом полемики Герцена и В.С. Печерина, которая велась в их переписке 1853 г., в выступлении историка К.Н. Бестужева-Рюмина по поводу статьи Чернышевского «О причинах падения Рима», в статьях Писарева «Схоластика XIX века», «Реалисты», «Подростающая гуманность», А.А. Фета «Заметки о вольнонаемном труде», «Из деревни», в книге В.В. Берви (Н. Флеровского) «Положение рабочего класса в России», в столкновении мнений Н.К. Михайловского и Н.Н. Страхова. Вопрос о соотношении материального и духовного в жизни отдельного народа и всего человечества привлекал пристальное внимание Достоевского. Сострадая «бедным людям», рисуя пронзительные картины нищеты, писатель, однако, стоял на позиции главенства религиозно-нравственного начала. Как и Салтыкова-Щедрина, его не оставляла тревога за судьбу масс. Он видел, что среди беднейших слоев набирает силу дух разврата, грубого материализма, происходит извращение здоровых понятий, преклонение перед властью «золотого мешка». Но, в отличие от сатирика, Достоевский безгранично верил в «народную святыню» и «правду». Вопрос о материальном и духовном в жизни народа с исключительной силой поставлен Салтыковым-Щедриным в цикле «Письма о провинции». Писатель-сатирик категорически не согласен с мнением консервативных кругов, что отмена крепостного права привела к экономическому кризису, к падению нравственного уровня народа. В «Письме шестом» подробнейшим образом проанализировано безотрадное положение русского крестьянина, главное несчастье которого заключается не только в материальной, но и в духовной нищете. Сознание масс изуродовано жесточайшей бедностью. Однако обвинять их невозможно, потому что крестьянство фаталистически осуждено сосредоточиться на добывании средств к жизни. Люди смогут думать о хлебе духовном, когда будет побеждена материальная нужда. Несмотря на удручающие наблюдения, автор цикла

обращает внимание читателя на такое, казалось бы, парадоксальное явление: существование образованных слоев неразрывно связано с грубой, забитой, подчас жестокой толпой. Что касается самого писателя, то народные идеалы, поэтическая деятельность масс были незыблемыми основаниями его мировоззрения и творчества. В этом он предстает, как и все русские реалисты, продолжателем традиций, заложенных Пушкиным.

В цикле «Письма о провинции» Салтыков-Щедрин ставит социальные вопросы, которые заведомо неразрешимы в данный исторический момент в такой стране, как Россия: что является первопричиной тяжелого положения крестьянства, какова роль масс в истории, могут ли они из пассивно-страдательной силы превратиться в сознательную и активную. Вера сатирика в разум, уважение к свободной воле человека, к его самосознанию и достоинству, убеждение, что людям нужны высокие гражданские, общественные идеи, были непоколебимы. Рационалистический взгляд на вещи, практический жизненный опыт, чувство гуманности указывали на неотложную необходимость наплатить «голодных и раздетых», картины нищеты вызвали скорбь. Вопрос о приоритете материального или духовного остался открытым. Но Салтыков-Щедрин, подобно своим выдающимся современникам Достоевскому, Толстому, Герцену, Чернышевскому, Писареву и многим другим, донес до читателя его драматизм, сложность и передал для разрешения последующим поколениям. В первой главе цикла «За рубежом» (1880) важное место принадлежит сцене «Мальчик в штанах и мальчик без штанов». Этот замечательный сатирический диалог считается остро полемичным по отношению к пушкинской речи Достоевского, которую писатель произнес 3 июня того же года в Москве в связи с открытием памятника поэту. В книге «За рубежом» помимо указанной сцены можно найти немало откликов на выступление Достоевского, его излюбленные идеи последнего периода жизни. Автор цикла отвергает утверждение Достоевского о религиозной просвещенности русского народа, апелляции к смирению и терпению. Достоевский видел призвание России в мировой истории в стремлении к всечеловеческому единению. Салтыкову-Щедрину чужд такой

взгляд на вещи. Им создан обобщенный образ русского «культурного человека», «гулящего» за границей, среднего русского «скитальца», который тушует перед Европой, заискивает, томится там. Среди ключевых понятий щедринского творчества народ, родина, история, государство. В каких отношениях они находятся, эту задачу он решал на протяжении всего творческого пути. Что ждет его страну, утешает ли история, можно ли опереться на народ в той общественной ситуации, когда повсеместно царят насилие и бессознательность, этими вопросами сурово испытывалась просветительская вера Салтыкова-Щедрина. Феномен России Салтыков-Щедрин и Достоевский понимали различно. Первый исповедовал провиденциальную, гармонизирующую миссию своей родины в деле братского сближения людей, тогда как в современной Европе наблюдается «комедия буржуазного единения»¹. Художник-сатирик считал особенностью русской истории взаимное отчуждение отечества и государства, хотя официальная идеология прилагала значительные усилия представить их единым целым или подменить отечество государством. Верховная власть воспринималась массами как принуждающая, карающая фаталистическая сила, существующая вместе с административно-бюрократическим аппаратом ради самой себя. Отношение государства к простому народу всегда имело проявления грубо деспотические. Власть была несостоятельна защитить от нищеты и бед и не умела привлекать к себе даже в собственных прагматических интересах. В массах веками накапливалось несочувствие государству и жалость к отечеству. При этом Салтыков-Щедрин прекрасно понимал, что институт государства является исторической необходимостью. Его формы преходящи во времени. Из «идеальных» они постепенно становятся «призрачными», и это естественно делает их объектом внимания сатиры. Спор двух художников-мыслителей находится в преемственной связи с противостоянием Белинского и Гоголя, с такой силой воплотившегося в их известных письмах. Это драматическое объяснение свидетельствует, каким мучительно сложным для крупнейших

¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. XXI. Л.: Наука, 1980. – С. 148.

представителей русской культуры XIX в. был поиск ответа на вопрос, в чем же благо России и как обретается оно. Но Салтыков-Щедрин не только антагонист Достоевского: оба художника стояли на одинаковых позициях в отношении к буржуазному началу, торжествующему на Западе.

Для Достоевского не подлежало сомнению, что в народной среде существуют праведники. В творчестве Салтыкова-Щедрина встречаются герои из народа, взалкавшие справедливости, рвущиеся пострадать за мир. Они немногочисленны, но так и должно быть по жизненной и художественной логике. Произведения писателя свидетельствуют, что массы загроубели в невежестве, нищете, запятнали себя под влиянием невыносимых условий существования, не сумели выковать волю. Казалось бы, события прошлого и настоящего говорят – они обречены, и вдруг жизнь показывает, что инстинкт Правды не замер в них, и поиск народом лучшей доли не прекращался никогда. Где и как обрести ее – неизвестно. Итог печален, но не пессимистичен. Правда зовет в будущее, встреча с ней всегда впереди. В пушкинской речи, «Дневнике писателя» на 1880 год Достоевского и в цикле «За рубежом» Салтыкова-Щедрина отразились два различных типа мышления и правота того и другого писателя. У каждого из них было свое предназначение: взгляд аналитический, сатирический и почвеннический, выражающий безграничную веру в «народную святыню» и «правду», не отвергают друг друга, а, сосуществуя, раскрывают онтологическую драму русского народа.

Цикл «Пошехонские рассказы» произведение, исполненное глубокой горечи, потому что спустя двадцать лет после отмены крепостного права писатель с величайшей болью видел в народных массах прежнюю социальную пассивность, безразличие, политическую темноту, отсутствие крепкого закала. Неудовлетворенность, отчаяние рождают в пошехонцах слепую обиду, озлобление, желание найти жертву, которой становится безобидный обыватель, потому что его слова сочли «бунтовскими». Финал этого произведения не менее страшен, чем финал «Истории одного города». «Апофеоз» скромного обывателя, нашедший себе воплощение «в форме трупа», это жуткий парадокс,

смысловой гротеск, который делает предельно наглядной злую судьбу пешехонцев. Салтыков-Щедрин как трезвый демократ показал, что возможны устрашающие проявления духовного помрачения масс (реакция толпы в сцене «Разговор Свины с Правдой»). В неблагоприятную минуту народ быстро деморализуется, в нем вспыхивают страсти насилия и жестокости, часто он предстает безвольным, рабом (сказки «Богатырь», «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», «Кисель»).

Одним из страдательных персонажей в сказках Салтыкова-Щедрина выступает рабочая лошадь. Этот образ для русских писателей-реалистов Некрасова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина стал символом всех бедных, угнетенных, обездоленных, страдающих под гнетом социального, мирового зла. В сказке «Коняга» художник-сатирик достигает трагических высот при изображении «каторжного страдальца». В этом произведении многоликое горе-злочастье проявляет себя как дурная бесконечность, которая околдовала народ, обесмыслила историю. Для писателя народ жертва исторического злополучия, нищеты, в то же время он считал, что массы должны в первую очередь находить опору в себе самих. Салтыков-Щедрин отразил в своем творчестве те особенности сознания беднейших слоев, которые вызывали к ним «любовь до боли сердечной», и фатальные для них и для России. Он принимает во внимание совокупность тягчайших исторических обстоятельств, то, что в его стране простым людям всегда живется очень плохо. Поэтому первое обвинение сатирик предъявляет «порядку вещей». Г. Флоровский писал, что в русской душе нет решимости сделать выбор, нет воли принять ответственность, нет творческого приятия истории как подвига, как странствия, как дела¹. Для Салтыкова-Щедрина несомненно одно: массы главная сила общественного развития, творец истории. Народ обязан осознать – несмотря на все его муки, именно он во многом в ответе за то, что будет с Россией. Он должен сохранить свои идеалы, духовные и культурные традиции. От народа требуется волевое

¹ Флоровский Г. Пути русского богословия. – С. 501, 502.

усилие, созидание самого себя, чтобы не закостенеть, не выродиться, а искать собственный путь, верить, что Правда грядет.

Глава 7. «Национальные духовные ценности и идеалы». Салтыкова-Щедрина мы по праву считаем великим социальным моралистом, который постоянно стремился бросить луч света на гнетущие картины русской жизни, освежить действительность, мысли и чувства людей веянием идеалов грядущего. Он утверждал созидательную, воспитующую силу реалистического искусства, его важнейшую роль в национальной духовной жизни, в русской истории. В нем никогда не угасала просветительская вера в способность Слова пересоздать мир, хотя она подвергалась жестоким испытаниям. Сомнения проникали и в оценку собственных трудов (сказка «Приключение с Крамольниковым»). В 1889 г. Салтыков-Щедрин пишет рассказ «Забытые слова», ставший его духовным завещанием, в котором он хотел напомнить русскому обществу о забытых им понятиях совесть, отечество, человечество. В этом рассказе скорбное бытие человечества представляется повествователю кладбищем, заброшенным и одичалым. «Забытые слова» как нельзя более убедительно объясняют, что идеальные устремления оплачивались ценой тяжелейших духовных страданий художника.

В ряде произведений Салтыкова-Щедрина читатель встречает аллегорические образы Стыд, Совесть, Правда, которым противостоит все зло мира и греховность человека. Это особенно проявляется в судьбе Правды. Она бывает гонимой, поверженной, жалкой, чудовищно унижается. Примером тому может служить драматический диалог «Торжествующая Свинья, или разговор Свиньи с Правдой» из цикла «За рубежом». Все действие сводится к глумлению над Правдой к вящему удовольствию публики. Как ни хороша Правда, она требует самоотречения и мужества, говорится в сказке «Ворон-челобитчик» (1886, опубл. 1889). Гораздо надежнее прятаться в личную правду, которая не оставляет места подлинной. Однако Правда способна прийти в мир и проникнуть в душу каждого. И тогда она не станет уже непосильным бременем, не введет в соблазн, не покажется кому-то вроде укоризны. Мысль,

что «объявится настоящая, единая и для всех обязательная Правда, придет и весь мир осияет. И будем мы жить все вкупе и влюбе» (XVI-1, 218), составляла упование писателя, давала импульсы к творческой деятельности. Образы Стыда, Совести и Правды связаны как с просветительскими социально-моралистическими установками сатирика, так и с народными этическими идеалами.

Особое значение для творчества Салтыкова-Щедрина, художника глубоко национального, имело православие. Начала веры, заложенные в детстве, даже в той степени и форме, о которых повествует хроника «Пошехонская старина», оказали бесспорное влияние на строй его мышления, понятия о добре и зле, может быть более значительные, чем ему представлялось. В период идейного становления Салтыков-Щедрин испытал влияние социалистов-утопистов, в среде которых предпринимались попытки преобразовать христианство в идеологию, с помощью которой можно было бы разрешать конкретные социальные и этические проблемы современности (А. де Сен-Симон «Новое христианство», 1825; Ф. Ламенне, перевод Евангелия на французский язык с пояснениями, 1846). Евангельские идеалы и национальное сознание – тема, которой Салтыков-Щедрин касался в своих произведениях разных лет, начиная с «Губернских очерков». Один из разделов этой книги под названием «Праздники» посвящен Рождеству и Пасхе, событиям, имеющим особое значение в жизни народной и отдельной личности, их просветляющему влиянию на душу героя-рассказчика. Отношение Салтыкова-Щедрина к вере в зрелые годы было сложным. В своих произведениях он не раз выражал убеждение, что религия не может изменить мир. Одновременно писатель свидетельствовал, что бесхитростная вера простцев, крепостных рабов возвышала их над ужасным положением. Но в проникновенных словах автора на эту тему в хронике «Пошехонская старина» заключена немалая доля горечи. Да, зло, темное колдовство, опутавшее жизнь не всесильно. Однако художник-просветитель жаждет, чтобы освобождение пришло к человеку не в той

реальности, а уже здесь на земле, стремится к преобразованию всего несправедливого общественного устройства.

Разрабатывая в «Пошехонской старине» тему духовного развития человека, автор указывает на великую воспитующую социально-нравственную роль Евангелия, его влияния на формирование детского самосознания. В одной из глав этой хроники повествуется о представителе глубоко верующего народного типа, который выработал свое понимание Правды, – Сатире-скитальце. Салтыков-Щедрин показал, что в народной среде причудливым образом слились чаяния воли, социальной справедливости и жажда Царства Божия и Правды Его. В Салтыкове-Щедрине никогда не угасало стремление художественно воплотить национальные духовные идеалы. Те исторические условия, в которых протекала его деятельность, побудили писателя обратиться к моралистической утопии, несущей на себе влияние евангельского этизма. В ряде произведений сатирика героем, которому явилась Правда, носителем общечеловеческой совести становится дитя, отрок, связанный с Новозаветным образом ребенка: «Пропала совесть», рассказ в романе «Господа Головлевы» о том, как воздействовала на Анниньку-девочку служба Великого Четверга, «Рождественская сказка». В последнем произведении маленький герой погибает: вместить Правду ему оказалось не под силу. Приносит ли плоды мученичество за Правду, может ли вера пересоздать мир – автор не разрешил этого вопроса, но сумел передать читателю ощущение его величайшей жизненной важности. Салтыков-Щедрин конструирует и другой тип моралистической утопии – неожиданный переворот в человеке, глубоко поврежденном грехом, как это происходит с Иудушкой Головлевым. Нередко в произведениях русских художников с появлением темы судьбы России, ее духовных идеалов возникает тема Христа, в Котором заключены Путь, Истина и Жизнь. Одним из ярких произведений последнего периода деятельности Салтыкова-Щедрина является сказка «Христова ночь» (1886), имеющая подзаголовок «Предание». Тем самым автор связывает ее с фольклорной традицией и одновременно эту традицию переосмысливает. В своих

переживаниях, исканиях, надеждах писатель глубоко национален. Особенно близка ему проповедь любви ко всем обиженным, бесправным, обетование, что Спаситель сотрет с их лица всякую слезу. Несмотря на величайшую сложность стоящих перед ним как социальным сатириком проблем, Салтыков-Щедрин оставался непоколебим в своем убеждении в конечном торжество Правды. В этом он опирался на стихийную народную жажду справедливости, идеи утопического социализма и на Евангельское учение, Его великое значение для России и ее народа, угнетенного многомиллионного крестьянства, всякой честной человеческой личности, ищущей справедливости и добра.

Заключение. Как писал И. Анненский, следующее за Гоголем поколение русских художников сохранило две сокровенные гоголевские мысли: «Первая – я буду сам собою. Вторая – я буду любить одну загадку, только одну, с которой я родился, загадку моей родины»¹. Можно сказать, что последнее положение является установкой всей русской классической литературы, что доказывает творчество лучших ее представителей: Тютчева, Достоевского, Герцена и др. Вся творческая жизнь Салтыкова-Щедрина это служение своей стране, борьба за ее достоинство, за социальное, нравственное, духовное изменение к лучшему. Он усвоил достижения «натуральной школы» с ее глубоким интересом к социальной среде, общественной психологии. Жанровая природа его произведений подвижна, сложна и разнообразна, как сама жизнь. Размышления писателя о судьбе отечества окрашены горечью – ее порождали многие факты и явления современной художнику действительности. Родина и народ предстают неизменно страдающими от «противоречий» и «запутанных дел», «злочастья», «темного колдовства». Но в самых скорбных произведениях Салтыкова-Щедрина нет обреченности, они освещены присутствием идеала, хотя часто идеал, которым вдохновлялся художник, представлялся ему «светящейся точкой во мгле будущего». Писатель считал, что его родине предстоит долгий и не до конца проясненный путь, если она будет стремиться к лучшей доле. Безусловным представлялось ему одно: судьба России должна

¹ Анненский И. Эстетика «Мертвых душ» // И. Анненский. Книги отражений. М.: Наука, 1979. – С. 229.

решаться самой Россией. Осмысляя призвание своей отчизны, Салтыков-Щедрин двигался в русле национальных, духовных, культурных традиций. В его душе нашли отклик народные социальные чаяния, этические ценности. В идеале Россия «Святая Земля», «Вышний Ерусалим», «сокровенный град», но в земной реальности темное начало держит ее в тягостном, мучительном плену – отсюда неустойчивость бытия, отсутствие в нем согласованности, упорядоченности, неволя и несправедливость. Писатель размышлял об отчизне со стесненным сердцем. У него было свое понимание «страхов и ужасов России»¹, с которыми он вступил в бескомпромиссную борьбу. Пространственно-временные системы, стихии и энергии созданного им художественного мира, «трагедия бессознательности» населяющих этот мир масс, их податливость и страдания, «неудержимое стремление к душевному подвигу», социальные проблемы, не поддающиеся разрешению, порывы, искания молодежи свидетельствуют, насколько сложной представлялась сатирику русская национальная судьба. Произведения писателя учат вдумываться в историю, воспитывают уважение к духовным и культурным ценностям, закаляют общество перед лицом исторических испытаний. Салтыков-Щедрин был художником и гражданином, который воистину живет национальными социально-этическими идеалами и не способен склониться перед злом. Пафос творчества этого печальника о русской земле – в служении ей. Он твердо верил: для разрешения загадки России «надо “взять в руки посох”, “препоясать чресла” и “идти вперед, вышнего града взыска”» (XIII, 285).

¹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т. VIII. – С. 343.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях
Издания, рекомендуемые ВАК РФ для публикации основных
результатов докторских диссертаций:

1. Павлова И.Б. Сюжет Тайной вечери в трактовке некоторых деятелей русской культуры [Текст] / И.Б. Павлова // «Дом Бурганова». Пространство культуры. – 2010. – № 1. – С. 53-63. ISBN 5-902153-36-8.
2. Павлова И.Б. Споры о судьбе России. (Салтыков-Щедрин и Достоевский) [Текст] / И.Б. Павлова // Вестник МГОУ. – 2010. – № 3. – С. 104-109.
3. Павлова И.Б. Духовные идеалы России в творчестве Салтыкова-Щедрина [Текст] / И.Б. Павлова // «Дом Бурганова». Пространство культуры. – 2010. – № 3. – С. 167-178. ISBN 978-5-9901014-8-7.
4. Павлова И.Б. Молодое поколение надежда и боль Салтыкова-Щедрина [Текст] / И.Б. Павлова // Вестник МГОУ. – 2010. – № 5. – С. 75-80.
5. Павлова И.Б. Образы «усадыбы» и «дома» в произведениях Салтыкова-Щедрина [Текст] / И.Б. Павлова // Литература в школе. – 2010. – № 10. – С. 13-14.
6. Павлова И.Б. Образ Петербурга у Салтыкова-Щедрина [Текст] / И.Б. Павлова // «Дом Бурганова». Пространство культуры. – 2011. – № 1. – С. 166-174. ISBN 978-5-9901014-5-6.
7. Павлова И.Б. «Простор» и «дорога» в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина [Текст] / И.Б. Павлова // Русская речь. – 2011. – № 1. – С. 20-26. ISSN 0131-6117.
8. Павлова И.Б. Образы природных стихий в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина [Текст] / И.Б. Павлова // Русская речь. – 2011. – № 2. – С. 7-13. ISSN 0131-6117.
9. Павлова И.Б. Разрушители семьи – Иудушка Головлевы и Федор Павлович Карамазовы [Текст] / И.Б. Павлова // «Дом Бурганова». Пространство культуры. – 2011. – № 2. – С. 206-212. ISBN 978-5-9901014-9-4.
10. Павлова И.Б. «Детский вопрос» в постановке М.Е. Салтыкова-Щедрина и Ф.М. Достоевского [Текст] / И.Б. Павлова // Вестник МГОУ. – 2011. – № 3. – С. 125-129. ISBN 2072-8522.
11. Павлова И.Б. «Русская лошадь знает кнут...» Об одном страдательном образе у М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.А. Некрасова и Ф.М. Достоевского [Текст] / И.Б. Павлова // Русская речь. – 2011. – № 3. – С. 12-15. ISSN 0131-6117.
12. Павлова И.Б. Семейно-родовая проблематика в творчестве Салтыкова-Щедрина [Текст] / И.Б. Павлова // «Дом Бурганова». Пространство культуры. – 2011. – № 3. – С. 224-237. ISBN 978-5-90484701-2.
13. Павлова И.Б. Салтыков-Щедрин и его современники в поисках блага народа [Текст] / И.Б. Павлова // Вестник МГОУ. – 2011 — № 5. – С. 136-142. ISBN 2072-8522.

14. Павлова И.Б. Правда в русском фольклоре и в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина [Текст] / И.Б. Павлова // Русская речь. – 2011. – № 4. — С. 118-122. ISSN 0131-6117.
15. Павлова И.Б. «Горе» и «злосчастье» в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина [Текст] / И.Б. Павлова // Русская речь. – 2011. – № 5. – С. 18-22. ISSN 0131-6117.

Монографические исследования:

1. Павлова И.Б. Тема рода и семьи у Салтыкова-Щедрина в литературном контексте эпохи [Текст] / И.Б. Павлова. М.: Наследие, 1999. – 152 с. ISBN 5-9208-0013-5.
2. Павлова И.Б. Судьба России в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина [Текст] / И.Б. Павлова. М.: Компания Спутник-плюс, 2006. – 134 с. ISBN 5-364-00181-4.

Академические коллективные труды:

1. Павлова И.Б. М.Е. Салтыков [Текст] / И.Б. Павлова // «Натуральная школа» и ее роль в становлении русского реализма / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – М.: Наследие, 1997. – С. 174-188. ISBN 5-86562-008-8.
2. Павлова И.Б. Эпизоды одной полемики. (Писарев — Салтыков-Щедрин — Достоевский) [Текст] / И.Б. Павлова // Мир Д.И. Писарева. Выпуск 2. Исследования и материалы / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – М.: Наследие, 2000. — С. 203-210. ISBN 5-9208-0041-0.
3. Павлова И.Б. Статья Д.И. Писарева «Наши усыпители» — критический парадокс нигилизма [Текст] / И.Б. Павлова // Мир Д.И. Писарева. Выпуск 3. исследования и материалы / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 114-122. ISBN 5-9208-0216-2.
4. Павлова И.Б. Мотив кукол в творчестве Д.И. Писарева [Текст] / И.Б. Павлова // Мир Писарева. Выпуск 3. Исследования и материалы / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 134-145. ISBN 5-9208-0216-2.
5. Павлова И.Б. «Цветы невинного юмора». Комментарий [Текст] / Писарев Д.И. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 5. М.: 2002. – С. 500-521. ISBN 5-02-022746-3.

Отпечатано в ООО «Компания Спутник+»
ПД № 1-00007 от 26.09.2000 г.
Подписано в печать 26.01.2012 г.
Тираж 100 экз. Усл. п.л. 3,0
Печать авторефератов (495)730-47-74, 778-45-60

